

7 Любицька Г. П. Традиційні вірування українського народу про народження дитини (обрядові оберегові вирази, формули, тексти) / Г. П. Любицька // Вісник Харківського університету. № 491. Серія Філологія. – Харків, 2000. – С. 644–648.

8 Толстая, С. М. Из полесской обрядовой лексики: нашлось дитя / С. М. Толстая // Украинський діалектологічний збірник: Книга 3. Памяті Тетяни Назарової / упоряд., ред., передм. П. Ю. Гриценка; редкол.: П. Ю. Гриценко [та ін.]. – К.: Довіра, 1997. – С. 287–293.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

Бен. – Бендзарі, **Бал.** – Балта, **Кр.** – Кринички Балтського р-ну Одеської обл.; **Чер.** – Черповоди Уманського, **Од.** – Одай, **Кон.** – Конела Жапківського р-нів Черкаської обл.; **Дах.** – Дахталія Крижопільського, **Джул.** – Джулінка Бершадського, **Кал.** – Калінка Томашпільського, **Кальн.** – Кальник Іллінецького р-нів Вінницької обл.

УДК 003.074:970.85=161.1=161.3

Т. Г. Трофимович

ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ФАКТ ИСТОРИИ РУССКО-БЕЛОРУССКИХ ГУМАНИТАРНЫХ КОНТАКТОВ

Статья посвящена исследованию русско-белорусских гуманитарных контактов XVI – XVIII вв. в сфере деловой письменности. Показывается роль авторитетных правовых документов – «Статута Великого княжества Литовского» 1588 года и «Соборного Уложения» 1649 года, регулировавших социально-экономические отношения в Московской Руси и Великом княжестве Литовском.

Деловой письменностью (актовой, канцелярско-деловой) принято называть различные документы юридического характера, которые своим назначением и содержанием связаны с политической и хозяйственной жизнью государства, отдельных социальных слоев населения и частных лиц. Потребности регулирования социально-экономических отношений, необходимость их правообеспечения еще в древнерусский период привели к созданию этой особой разновидности письменных источников, численность и жанровое разнообразие которых стремительно возрастает в XV–XVII вв. Отражившийся в них язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию [1, с. 574]. Сказанное относится в равной мере к деловому языку как Московской Руси, так и Великого княжества Литовского.

Московская Русь и Великое княжество Литовское были мощными феодальными государствами, располагавшими развитыми правовыми системами, которые оказались в состоянии регулировать социально-экономические отношения, политический строй, судостроительство и судопроизводство. Свое значимое место в этих системах занимали кодексы права – своды законов, образующие основу всей правовой системы государств. Речь идет о таких выдающихся во всех отношениях кодексах, как «Статут Великого княжества Литовского 1588 года» и «Соборное Уложение 1649 года». Историки и правоведы единодушны в оценке того, что эти своды законов значительно превосходят предшествующие им памятники права прежде всего своим содержанием, «широтой охвата сторон действительности того времени – экономики, форм землевладения, классово-сословного строя, положения господствующих и социально зависимых слоев населения, государственно-политического строя, судопроизводства, материального и процессуального права» [2, с. 3].

Условия создания и функционирования упомянутых сводов законов позволяет рассматривать их, кроме всего прочего, в контексте истории русско-белорусских гуманитарных контактов.

Известно, что «Соборное Уложение 1649 года» было создано на основе многочисленных источников: судебники, указные книги приказов, думские приговоры, решения Земских соборов, «Стоглав», византийское законодательство [3, с. 45]. Особое место среди источников занимает так называемое литовское право, а конкретнее – «Статут Великого княжества Литовского 1588 года». Первым отметил значение Статута как источника Уложения В. Линовский в работе «Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича», опубликованной в Одессе в 1847 году [2, с. 9]. М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что значительная часть глав и статей Уложения представляют собой целиком или буквальный перевод, или довольно точный перефраз (sik!) Статута, а система Уложения в значительной части есть система Статута [4, с. 38].

В решении вопроса о роли Статута как источника Уложения чрезвычайно важным оказалось мнение В.О. Ключевского, который считал, что «Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько кодификационным пособием для его составителей, давал им готовую программу» (цитируется по [2, с. 17]).

Добавим к сформулированным аргументам в пользу того, что Статут стал одним из важнейших источников Уложения, еще один, слабо оцененный историками. Известно, что рукописный свиток Уложения содержит 967 столбцов (сставов), написан скорописью, почерков не менее пяти, всего смен почерков не менее 400. Имеются также пометы на полях, выполненные разными почерками, часто не совпадающими с почерком того столбца, на котором имеется помета [5, с. 10]. Пометы на полях свитка содержат значимую информацию об источниках и о том, как создавался столбец. Пишущие указывали: «из Моисеева закона», «из старого Судебника», «из градцкого закона греческих царей», «вновь пополнено», «из Стоглава». Всего помет на полях свитка порядка 120 [5, с. 445–446]. Четвертая часть всех помет (31 из 120) содержит указание на то, что источником нормы был Литовский статут: «из Литовского». Факт гуманитарных контактов налицо.

Нами было предпринято сопоставление разделов и глав Уложения и соответствующих артыкулов Статута, ставших, по мнению историков, их источниками. Такое сопоставление однозначно указывает на то, что язык, на котором написан Статут, существенно отличается от языка уложенной книги и что язык Статута содержит много грамматических и лексических средств, характерных для белорусского языка.

Так, источником главы V Уложения «О денежных мастерах, которые учнут делать воровские денги» является артыкул 17 первого раздела Статута «О фальшиванью монеты, о мынцах и о золотарах». Практически полное содержательное соответствие текстов законов (речь идет о наказании за изготовление фальшивых денег) выливается в существенно отличающуюся языковую экспликацию. Например, в тексте Уложения используется большое количество субстантивно-атрибутивных бивербов фразеологизированного характера: *мастер денежный, мастер золотых дел, мастер серебряных дел, денги медные, денги оловянные, денги воровские, денги укладные, дело денежное, дело золотое, дело серебряное*. В источнике вместо единиц со словом *мастер* используются слова *золотар, мынцар*, вместо бивербов со словом *денги* – обобщенное название *монета*.

Рассуждая об Уложении 1649 года и Статуте 1588 года как фактах истории русско-белорусских гуманитарных контактов, необходимо вспомнить еще один памятник старорусской деловой письменности. Это Московский перевод-редакция Литовского статута. Сведений о нем в литературе по истории государства и права крайне мало. Обычно лишь упоминается, что Статут 1588 года был, среди прочих, переведен и на русский язык [6, с. 172]. Доступный текст памятника письменности находим в издании И.И.Лапто «Литовскій статутъ въ московскомъ переводе-редакціи» (Юрьев, 1916). В предисловии автор указывает, что этот перевод-редакция сохранился в рукописи, принадлежавшей ИОИДР при Московском университете, и долго считался просто списком с виленского издания 1588 года.

В литературе удалось найти сведения о том, как и когда осуществлялись переводы Литовского статута. Впервые отдельные статьи были переведены, вероятно, в начале 1606 года в связи с подготовкой сводного судебника, работа над которым не была завершена. Полностью текст Статута появился в виде перевода-редакции в 1649 году в связи с подготовкой Соборного уложения [7, с. 648–650]. Довольно значительное место в МПРЛС занимает старобелорусская и польская терминология, что позволяет утверждать, что переводчик был выходцем из Западной Руси [8, с. 15].

Стоит обратить особое внимание на то, что создавался не просто перевод, а перевод-редакция. В чем состояла сущность предпринятого переводчиком редактирования. И. И. Лаппо отмечает, что большинство заголовков переданы в распространенном либо сокращенном виде, в зависимости от текста Статута. Тексты глав-артикулов чаще всего являются совершенно свободным переводом, созданным с целью приближения текста Статута к московским порядкам и обычаям. Они сокращаются или распространяются в зависимости от конкретного содержания с учетом реалий московской жизни [9, с. 25].

Таким образом, в установленных белорусско-русских контактах и связях Статут 1588 года – Уложение 1649 года является третьим звеном – Московский перевод-редакция Литовского статута. Даже беглая примерка существующих современных представлений о восточнославянском лингвогенезе, статусе восточнославянских языков на разных этапах их существования, условиях их взаимодействия и взаимовлияния в прошлом и настоящем, позволяет осознать языковую уникальность перевода-редакции. Перед нами памятник старорусской деловой письменности, являющийся в основном переводом старобелорусского оригинала. Что из этого следует? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, существует в весьма приблизительном виде.

И. И. Лаппо в предисловии к изданию перевода-редакции пытается оценить текст, но его оценки касаются в основном содержания, а не языка памятника. В свое время оценить особенности языка памятника попыталась Л. В. Судавичене в кандидатской диссертации “Лексические особенности московского перевода-редакции Литовского статута 1588 года” (1964), известны отдельные статьи И. С. Козырева и др. Думается, однако, что памятник заслуживает более пристального исследовательского внимания. Попытаемся наметить возможные направления применения такого внимания.

Во-первых, сам факт существования перевода-редакции позволяет выйти на продолжающие быть актуальными проблемы самостоятельного статуса восточнославянских языков в период позднего средневековья. Изучая оригинальный текст Статута 1588 года и Московский перевод-редакцию на разных языковых уровнях можно и нужно доказать, что в них отражены разные самостоятельные восточнославянские языки. Статут начинается так: *“Роздел первый. О персоне нашей господарской. Артыкул 1. Все обыватели Великого князства Литовского тым одним правом писаным и от нас даным сужоны быти мають”*. В переводе читаем: *“Роздел, сиречь статья, 1 – о персоне нашей государьской. Глава 1. Всех обывателей, сиречь жильцов, Великого князства Литовского тем одним судомъ, писаным и от нас даным, судити”*

Во-вторых, текст перевода-редакции представляет несомненный интерес в аспекте исторической стилистики, установлении сходств и различий стилей старорусских и старобелорусских сводов законов. При этом закономерности стилистической организации правовых кодексов должны быть рассмотрены на общевосточнославянском (древнерусском) фоне, ведь именно в Древней Руси формировались истоки русского и белорусского права, русских и белорусских языковых особенностей.

Завершая наши краткие рассуждения о роли деловой письменности в истории русско-белорусских гуманитарных контактов, скажем, что происходившие в прошлом дивергентные социально-экономические, политические и языковые процессы подразумевали продуктивное и обогащающее взаимодействие родственных народов и культур. Изучить эти процессы, выявить их созидательную сущность, сохранить и приумножить ее – задача современного гуманитарного знания.

- 1 Живов, В. М. О связанности текста, синтетических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа / В.М. Живов // Слово в тексте и словаре : сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры: Кошелев, 2000. – С. 573–581.
- 2 Маньков, А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л.: Наука, 1980. – 270 с.
- 3 Исаев, И. А. История государства и права / И. А. Исаев. – М.: Издательство БЕК, 1993. – 245 с.
- 4 Владимирский-Буданов, М. Ф. Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича // М. Ф. Владимирский-Буданов / Сборник государственных знаний. Т. 4. – СПб., 1877. – С. 3–38.
- 5 Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 450 с.
- 6 Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Т.15.– Мінск, Беларуская энцыклапедыя, 2002. – 550 с.
- 7 Великоните, И. Литовские статуты / И. Великоните // Большая российская энциклопедия. Т. 17. – М., 2011. – 650 с.
- 8 Судавичене, Л. В. Лексические особенности Московского перевода-редакции Литовского статута 1588 года / Л. В. Судавичене. – Вильнюс, 1964. – 18 с.
- 9 Лаппо, И. И. Литовскій статутъ въ московскомъ переводе-редакціи / И. И. Лаппо. – Юрьев, 1916. – 400 с.

УДК 811.161'373:398

К. Л. Хазанова

КНІЖНАСЛАВЯНІЗМЫ Ў КАЛЯНДАРНА-АБРАДАВАЙ ЛЕКСІЦЫ УСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ МОУ

У артыкуле даследуюцца адметнасці засваення царкоуна-славянскай каляндарна-абрадавай лексікі гаворкамі усходнеславянскіх моў. Прыйшоўшы да усходніх славян разам з праваслаўем, царкоуна-славянскія намінацыі каляндарных падзей трапілі пад уплыў мясцовых моўных рыс і працягваюць актыўнае функцыянаванне ў афіцыйным літаратурным ужытку.

Моўныя сувязі усходнеславянскіх народаў прыкметна выяўляюцца пры вывучэнні лексікі, звязанай з каляндарнымі абрадамі. У каляндарна-абрадавай лексіцы кожнага з усходнеславянскіх народаў існуе вялікая колькасць агульных найменняў, што абумоўлена падобнымі прыроднымі абставінамі, агульнымі рэлігійнымі памкненнямі і прыкладна роўнымі сацыяльнымі умовамі жыцця. Супастаўленне беларускіх, рускіх і украінскіх каляндарна-абрадавых лексем дазваляе выявіць разам з агульнымі рысамі некаторыя адметнасці, самыя відавочныя з якіх абумоўлены рознымі адносінамі кожнай з усходнеславянскіх моў да царкоуна-славянскай лексікі.

З 9 ст. прыйшоўшае з Візантыі праз паўднёвых славян хрысціянства прапанавала усходнім славянам рэлігійныя праваслаўныя абрады, святы, традыцыі, найменні якіх узыходзілі да стараславянскай (кніжна-славянскай, царкоуна-славянскай) мовы. Усходнеславянскія мовы прайшлі доўгую адаптацыю паўднёvasлавянскіх запазычанняў. У рускай мове другі паўднёvasлавянскі ўплыў 15–16 ст. замацаваў каляндарна-абрадавую лексіку са стараславянскімі каранямі. Для гаворак беларускай і украінскай моў царкоунаславянскія засталіся нехарактэрнымі, што прывяло да узнікнення разнастайнасці варыянтаў намінацый абрадавага календара.

Семантычныя і фанетычныя ваганні мае ва усходнеславянскіх гаворках назва свята Нараджэння Хрыстова. Усходнеславянскія гаворкі утрымліваюць дзве назвы: *Рождество* і *Каляды*. У рускіх гаворках пераважае першы варыянт, які ўвайшоў у слоўнік літаратурнай мовы: *На Рождество разговлялись, курицу готовили, блинцы, холодец, квас* [1, с. 39]. Кніжна-славянская лексема з характэрным спалучэннем *жд* на месца праславянскага **dj* знайшла на глебе беларускіх гаворак варыянтнае прачытанне: *Раждество, Раждзество, Раждаство, Ражство, Раство, Ражаство, Раздво: На Ражаство, хто постуе, нада сочыва*